

ХИЛОН КАК ПРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ СПАРТЫ

С. Н. КОЧЕРОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)
kocherov@yandex.ru

SERGEY KOCHEROV

National Research University «Higher School of Economics» (Nizhny Novgorod)
CHILON AS A MORAL LAWGIVER OF SPARTA

ABSTRACT. The article assesses the role of one of the Seven Sages, Chilon, a lawgiver and a mentor of the ancient Sparta. The analysis of Chilon's aphorisms displays that they are not just a sum of worldly wisdoms. More appropriately they may be perceived as a compendium of moral instructions that have become an integral part of the Spartan educational system. A special attention is given to deciphering the original meaning of the maxim "Know thyself" that is attributed to Chilon. The author hypothesizes that in a Spartan polis, whose citizens were used to a minimum of written laws, Chilon's edification could serve as binding unwritten rules.

KEYWORDS: the seven sages, the laws of Lycurgus, the community equal, edification, the Spartan ethos.

В античности, как и, пожалуй, во всем древнем мире трудно найти более уникальное государство и общество, чем спартанское. Своеобразие государственного устройства Спарты, соединившего элементы различных форм правления, в сочетании со специфическим образом жизни и системой воспитания спартиатов производили неизгладимое впечатление на греков и римлян даже тогда, когда этот полис утратил свое значение. Все античные авторы были склонны объяснять былое величие Спарты мудростью принятых ею в древности законов, а современный упадок связывать с отказом от их неуклонного исполнения. Спартакское «благозаконие» (εὐνομία) признавали даже те из них, кто не вполне разделял утверждаемые им ценности (Фукидид, Аристотель). При этом спартанское законодательство казалось

идеальным или близким к идеалу тем античным мыслителям, которые выше всего ставили социальную стабильность, равенство граждан и их служение общему благу (Платон, Ксенофонт, Плутарх).

Как известно, слава главного законодателя и устроителя древней Спарты принадлежит легендарному Ликургу, которому многие историки Новейшего времени отказывают в историческом существовании, полагая, что в данном случае один из богов превратился в культурного героя. Не вдаваясь в суть этого вопроса, хотя, на наш взгляд, личность Ликурга в исторической памяти эволюционировала в противоположном направлении, необходимо признать, что все главные законодательные реформы, проведенные в VIII – VI вв. до н. э. в Спарте, впоследствии были приписаны одному ему. В итоге сложился образ «коллективного Ликурга», который, помимо самого «отца-основателя», начавшего реформы, интегрировал других законодателей, внесших значительный вклад в становление классического спартанского полиса. Среди тех из них, чьи имена дошли до нас, можно назвать царей Феопомпа и Полидора, которые усилили власть совета старейшин – герусии (γερουσία) и учредили коллегию эфоров (ἑφορος), а также некоего Астеропа, бывшего, по Плутарху, первым, кто укрепил и расширил власть эфората (Plut. *Cleom.* 10). Последним же выдающимся номофетом и эсимнетом спартанского государства и общества в архаический период принято считать эфора Хилона, больше известного в качестве одного из «семи мудрецов».

О жизнедеятельности Хилона известно мало. Диоген Лаэртский пишет, что Хилон, сын Дамагета, стал эфором Спарты в 55-ю или 56-ю Олимпиаду, хотя был старцем уже в 52-ю олимпиаду (Diog. Laert. I, 3, 68, 72). Согласно спискам эфоров, приводимых в хрониках (Apollod. *Chron.* 244 F 335 c; Euseb. *Chron.* II, 96–7), Хилон был избран эфором-эпонимом в 556/5 г. до н. э. Поэтому он вряд ли мог быть старцем в 52-ю олимпиаду (572 г. до н. э.), поскольку эфоры в Спарте избирались из граждан в возрасте от 30 до 60 лет. Возможно, это ошибка переписчика или описка Диогена Лаэртского, если только он сам не завысил возраст Хилона, чтобы приблизить его к старшему поколению мудрецов – Фалесу, Бианту, Питтаку и Солону. Странно также, что Диоген, связавший спартанского мудреца с двумя олимпийскими играми, сообщил, что он умер, приветствуя своего сына-олимпионика, не указав при этом, на какой олимпиаде им была одержана победа. Исходя из того, что известно о событиях в жизни Хилона, можно предположить, что он родился не раньше 616/615 г. до н. э., а умер в год олимпиады 552 или 548 г. до н. э.

Государственная деятельность Хилона нашла отражение в найденном в 1911 г. фрагменте сочинения неизвестного античного автора, в котором говорится: «Лаконец Хилон, став эфором и стратегом, и Анаксандрид свергли

тирании у эллинов, в Сикионе Эсхина, а в Афинах Гиппия, сына Писистрата» (см. Печатнова 2001, 169). И хотя Хилон никак не мог дожить до изгнания в 510 г. до н. э. спартанским царем Клеоменом тирана Гиппия из Афин, его участие в свержении тирании Эсхина в Сикионе около 555 г. до н. э. признается историками. Причем, судя по тому, что в тексте Хилон упомянут перед царем Анаксандридом и выступает не только как эфор, но и как стратег, весьма возможно, что именно он и был инициатором данного похода. Историк С. Я. Лурье (1993, 159) вообще видит в Хилоне своего рода идеолога борьбы спартанского государства с тираническими режимами, которая велась в течение VI в. до н. э. Но при отсутствии других подтверждающих источников это утверждение остается гипотезой.

Еще меньше достоверных сведений имеется о законодательных реформах Хилона. Согласно автору фундаментальной работы о древней Спарте Л. Г. Печатновой, вероятно, именно Хилон добился принятия закона, который передавал председательство в народном собрании и герусии от царей к эфорам. Она же допускает, что ежемесячная клятва между царями и эфорами, при которой эфоры клялись от имени общины, а цари – от своего имени, также была установлена с его подачи. Кроме того, исследовательница не исключает, что с именем Хилона может быть связано издание трех Малых Ретр, которых традиция приписывает Ликургу (Печатнова 2001, 65 и 67). Это, конечно, тоже предположения, и у данных законопроектов могли быть другие авторы. Однако примечательно, что именно во времена Хилона эфорат до такой степени усиливает свое влияние, что уже в V в. до н. э. Спарта становится «государством эфоров», как назвал ее В. Эренберг (Ehrenberg 1967, 40). А поскольку из эфоров этого периода наиболее известен Хилон, то ряд исследователей (У. Вилькен, Г. Глотц, С. Я. Лурье, А. Тойнби, М. Финли, Э. Эндрюс и др.) именно с ним связывают так называемый переворот в сер. VI в. до н. э. в Спарте. Общее мнение высказал П. Кэртлидж, заметив, что «если какой-либо спартанец и был главным образом ответственным за новое направление, им мог быть только Хилон, эфор-эпоним 556 г. и один из семи мудрецов древней Греции, который также, возможно, изменил статус эфората» (Cartledge 1979, 139).

Историки, стремящиеся реконструировать законотворчество Хилона, на наш взгляд, уделяют недостаточное внимание тому таланту, который его наиболее прославил. Все они, как правило, считают необходимым указать, что этот спартанский эфор входит в большинство списков «семи мудрецов», но дальнейших выводов из его почетного статуса не делают. Философы, напротив, сосредотачивают внимание на изречениях – гномах (γνώμη) Хилона и других мудрецов, обычно лишь мельком упоминая об их государ-

ственной деятельности. Например, А. Н. Чанышев находит в их назидательных нравоучениях главным образом «обыденное сознание, в особенности то, которое достигает уровня житейской мудрости и которое проявляется в пословицах и поговорках, поднимающихся иногда до большой обобщенности и глубины в понимании человека и его социальности» (Чанышев 1981, 120). Между тем для многих мудрецов государственная деятельность была основным родом занятий, поэтому, на наш взгляд, глаголющая их устами мудрость, по форме обращенная ко всем эллинам, была адресована, прежде всего, гражданам их полиса.

Возьмем список мудрецов, который приводит Платон, включивший в него Фалеса Милетского, Питтака из Митилены, Бианта из Приены, Солона Афинского, Клеобула Линдского, Мисона Хенейского и, наконец, Хилона из Спарты (Plato *Protag.* 343a). Из них Питтак и Клеобул были правителями (тиранами) своих городов, Биант был судьей, Солон и Хилон прославились как законодатели, и даже Фалес, хотя и не занимал никакой официальной должности, проявил себя как политик и дипломат, предложив городам Ионии объединиться перед лицом персидской угрозы. Человеком, чуждым всякой общественной деятельности, предание изображает лишь Мисона, который, как считалось еще в древности, занял в этом списке место Перикла Коринфского, «вычеркнутого» Платоном из-за его неприязни к тиранам. Что касается Хилона, то сама специфика Спарты обрекала его на то, чтобы стать выразителем не столько житейской, сколько государственной мудрости.

Определяя суть законодательства Ликурга, М. Т. Арнхейм утверждал, что она состояла в том, чтобы раздвинуть границы аристократии, включив, по крайней мере, *de jure*, в ее состав всех полноправных граждан под единым названием «равные», или «спартиаты» (Arnheim 1977, 109). Полностью соглашаясь с ним, Л. Г. Печатнова полагает даже, что «это стало основой идеологии Спарты и главной национальной идеей» (Печатнова 2001, 76). Известно, что спартанцы с гордостью называли себя *гомеями*, членами «общины равных». Подобно тому, как *ἐὐνομία* обозначала у греков не только законный порядок, но и внутренний мир, так и *ὁμόνοια* понималась ими в двух значениях: социальное равенство и согласие, единодушие. Подобное равенство-единодушие граждан достигалось в Спарте не только выделением равных по урожайности земельных наделов, изгнанием из полиса серебряных и золотых монет, а также борьбой с богатством и роскошью в домах, одеждах и предметах обихода. Спартанские законодатели стремились обеспечить стабильность и гармонию в родном полисе путем полного вовлечения спартиатов в общественную жизнь. Еще Ликург желал приучить со-

граждан к тому, чтобы они не хотели и не умели жить врозь, но, как пчелы, находились в нерасторжимой связи с обществом (Plut. *Лус.* 25). Этой цели служили общественные обеды и общественное воспитание, призванные связать спартиатов с государством более крепкими узами, нежели со своей семьей.

Такое добровольно-принудительное «обобществление» жизни граждан не могло не потребовать выработки определенных правил поведения и человеческих качеств, минимизирующих риски межличностных конфликтов. Был необходим свод злободневных по содержанию и доступных по форме нравственно-религиозных и социально-психологических наставлений, кои регламентировали бы отношения между людьми, поведение которых находилось на виду друг у друга, как ни в каком другом обществе. Решение данной задачи можно было доверить лишь умудренному опытом человеку, глубоко постигшему сильные и слабые стороны человеческой природы и имеющему познания в том, как при помощи первых нейтрализовать вторые. Важность этой миссии отмечал Плутарх, по оценке которого всю свою деятельность законодателя Ликург, в конечном счете, сводил к воспитанию (Plut. *Лус.* 13). Кто, как ни Хилон, лучше других спартанских законодателей середины VI в. до н. э. подходил для того, чтобы научить своих сограждан нормам поведения, которым они должны были следовать и при исполнении общественных обязанностей, и в повседневных бытовых ситуациях?!

Чтобы убедиться в этом, нужно обратиться к гномам, которые устная и письменная традиция приписывает мудрецу из Спарты. Изречения Хилона сохранились в редакциях Деметрия Фалерского (Лебедев 1989, 92–93) и Диогена Лаэртия (I, 3, 68 сл., пер. М. Л. Гаспарова). Оба античных автора приводят 20 сентенций спартанца, в большинстве сходных, но также и содержащих отличия между собой. Для сравнительного анализа сопоставим их в виде следующей таблицы:

	Деметрий Фалерский	Диоген Лаэртий
Сходные гномы Хилона	Выпивая не болтай: промахнишься.	Сдерживай язык, особенно в застолье.
	Не грози свободным: нет на то права.	Не грозись: это дело бабье.
	Не хули ближних, а то услышишь такое, от чего огорчишься.	Не злословь о ближнем, чтобы не услышать такого, чему сам не порадуешься.
	На обеды друзей ходи медленно, на беды – быстро.	К друзьям спеши проворнее в несчастье, чем в счастье.
	Свадьбу устраивай дешевую.	Брак справляй без пышности.
	Покойного величай.	Мертвых не хули.

	Старшего уважай.	Старость чти.
	Предпочитай убыток позорной прибыли: первое огорчит один раз, второе [будет огорчать] всегда.	Лучше потеря, чем дурная прибыль: от одной горе на раз, от другой навсегда.
	Над попавшим в беду не смейся.	Чужой беде не смейся.
	Если у тебя крутой нрав, проявляй спокойствие, чтобы тебя скорее уважали, чем боялись.	Кто силен, тот будь и добр, чтобы тебя уважали, а не боялись.
	Язык твой пусть не обгоняет ума	Языком не упреждай мысль.
	Обуздывай гнев.	Обуздывай гнев.
	Не желай невозможного.	На непосильное не посягай.
	В пути не торопись.	Не спеши в пути.
	И не махай рукой, ибо это от безумия.	Когда говоришь, руками не размахивай – это знак безумства.
	Повинуйся законам.	Законам покорствуй.
Отличия в гномах Хилона	Знай себя.	Береги себя сам.
	К тому, кто суется в чужие дела, питай ненависть.	Гадательству не перечь.
	Будь защитником своей семьи.	Хорошо начальствовать учись на своем доме.
	Если тебе причинили ущерб – примиришь, если оскорбили – отомсти.	Покоем пользуйся.

Конечно, здесь в большей или меньшей степени сказываются различия в переводах с древнегреческого языка на русский язык. Однако нельзя не заметить, что в некоторых случаях, даже когда Деметрий Фалерский и Диоген Лаэртий передают, на первый взгляд, одну и ту же мысль Хилона, они апеллируют к разным высказываниям, которые ему приписывают. Например, Диоген приводит изречение «τὸν τεθνηκότα μὴ καχολογεῖν» (здесь и далее гномы Хилона на древнегреческом приводятся по: Diels–Kranz 1960, 63), которое буквально можно перевести как «о мертвых не злословь», «на мертвых не клеветай». У Деметрия сходная мысль выражается суждением «τοῦ τετελευτηκότα μακάριζε», что можно понимать и как «покойного величай», и как «мертвому воздай по достоинству». Возможно, именно последняя трактовка лежит в основе бытующего мнения, что это к Хилону из Спарты восходит правило «О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды», ко-

торое впоследствии было «усечено» римской поговоркой «De mortuis aut bene, aut nihil» («О мертвых или хорошо, или ничего»). Как будет затем показано, данное изречение, как и другие гномы Хилона, способствовало формированию этоса, который соответствовал интересам спартанской общины и реформе спартанских законов в архаический период.

При сравнении различий в назиданиях лаконского мудреца у Деметрия Фалерского и Диогена Лаэртия, нельзя не заметить, что первый относит к нему одно из самых известных изречений античности «Познай себя» (γνῶθι σαυτόν), тогда как второй не приводит его в списке предписаний Хилона. Согласно Диогену, эта гнома принадлежит Фалесу, хотя он и считает нужным упомянуть, что Антисфен в «Преемствах» говорит, будто сказано это было Фемоней, а присвоено Хилоном (Diog. Laert. I, 1, 40). Последнее замечание соответствует традиции считать автором данной максимы бога Аполлона, жрица которого Фемоня была то ли первой пифией в Дельфах, то ли первой жрицей, дававшей пророчества в гекзаметрах. Следует заметить, что в сознании эллинов назидание «Познай себя», как и близкое к нему изречение «Лучшее – мера», вызревало в течение десятков лет, если не столетия. Так, на подступах к его осмыслению в художественной форме стоял уже знаменитый поэт Архилох, написавший в середине VII в. до н. э.:

В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.

Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт

(Античная лирика 1968, 118. Пер. В. Вересаева).

Если же, решая вопрос об авторстве гномы «Познай себя», делать выбор только между Фалесом и Хилоном, то, на наш взгляд, предпочтение следует отдать второму. Деметрий Фалерский представляется источником более надежным, нежели Диоген Лаэртский, жившим к тому же на 500 лет раньше последнего и, соответственно, ближе ко времени «семи мудрецов». Также следует учесть, что, по сообщению Климентя Александрийского (Strom. 1.14.60.3), изречение «Познай себя» многие приписывают Хилону, хотя Хамелеон в качестве автора называет Фалеса, тогда как Аристотель возводит его непосредственно к самой Пифийской жрице. Порфирий же (Stobaeus, Anthol. 3.21.26) упоминает мнение Клеарха, согласно которому, изречение получил Хилон, когда спросил жрицу о том, что человеку познать лучше всего. В пользу Хилона говорит и стихотворение неизвестного античного поэта, который так описал вклад в сокровищницу мудрости каждого из семерых:

Семь мудрецов называю – их родину, имя, реченье:

«Мера важнее всего», – Клеобул говаривал Линдский;

В Спарте: «Познай себя самого», – проповедовал Хилон;

*Сдерживать гнев увещал Периандр, уроженец Коринфа;
 «Лишку ни в чем!» – поговорка была митилеца Питтака;
 «Жизни конец наблюдай», – повторялось Солоном Афинским;
 «Худших везде большинство», – говорилось Биантом Приенским;
 «Ни за кого не ручайся», – Фалеса Милетского слово
 (Античная лирика 1968, 339. Пер. Л. Блуменау).*

Максима «Познай себя» вполне уместна в наследии Хилона также потому, что в ней в общем виде выражены все его другие нравственные требования, обращенные, прежде всего, к согражданам. В современной историко-философской литературе принято считать, что философское осмысление данной гномы начинается с Сократа. Например, А. Н. Чанышев пишет: «Она имела не только нравственный, но и мировоззренческо-философский смысл, который, правда, был раскрыт лишь Сократом в V в. до н. э.» (Чанышев 1981, 121–122). Однако если даже принять эту точку зрения, нужно задаться вопросом, какой смысл изначально вкладывали в данное изречение «семь мудрецов». В чем состояло его исключительно нравственное значение?

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, можно найти в диалоге Платона «Хармид», значительная часть которого посвящена беседе Сократа и Крития о том, что означает познание самого себя. В завязавшемся споре между ними часто упоминается понятие *σωφροσύνη*, которое не поддается однозначному переводу на русский язык и может трактоваться как «рассудительность» и «целомудрие», «благоразумие» и «самообладание». В отличие от Крития, который полагает, что *σωφροσύνη* – это самопознание, Сократ утверждает, что такое преимущественное для человека знание не может быть знанием самим по себе, но является наукой «о благе и зле» (Plato, *Charm.* 164d, 174 c). Как представляется, в данном случае сталкиваются старое и новое понимание гномы «Познай себя» – «феноменилистское» у Крития и «моралистическое» у Сократа. Но оба эти оппонента в споре и в жизни застали начало кризиса классического полиса и являлись людьми, над сознанием которых интересы государства уже не имели безраздельной власти. Для Хилона же, стоявшего у истоков создания классического полиса, изречение «Познай себя» имело прямое отношение к служению граждани-на своему государству.

Максима «Знай себя», на наш взгляд, была для него равнозначна правилу «Владей собой!», которое необходимо для проживания в полисе, единодушия с соотечественниками и выполнения гражданских обязанностей. Каждый должен был «знать себя», как гражданин уметь делать свое дело в полисе, а воин – на своем месте в строю. Такое знание было особенно важно для

спартанских номофетов, попытавшихся ради обеспечения стабильности и внутреннего мира в государстве изменить человеческую природу сограждан. Для этого в Спарте, как ни в каком другом полисе, были утверждены порядки военного лагеря, в котором никому не разрешалось жить так, как он хочет, но все исполняли приказы государства (Plut. Лус. 24). При этом знаменитая система спартанского воспитания была связана с такими нагрузками – физическими, психологическими и нравственными, – что могла бы сломить любого человека, не подготовленного к ней с детства. Поэтому было крайне важно, чтобы все спартанцы чувствовали себя в данном отношении равными и приучались к самоконтролю, самодисциплине, самообладанию.

Если взглянуть с этой точки зрения на гномы, приписываемые Хилону, то нетрудно заметить, что максима *«Знай себя»* получает конкретное выражение в изречениях двоякого рода. К первому роду следует отнести наставления, регулирующие отношения граждан к государству и обществу: *«Повиныйся законам»*, *«Не грози свободным: нет на то права»*, *«Старшего уважай»* (выполняй приказы старших по возрасту и званию), *«Предпочитай убыток позорной прибыли...»* (правильно расставляй приоритеты) *«Свадьбу устраивай дешевую»* (не кичись перед согражданами богатством), *«Не желай невозможного»* (знай, что тебе положено, и не требуй большего). Ко второму роду можно отнести назидания, направленные на улучшение личных отношений с членами своей общины: *«Будь защитником своей семьи»*, *«На обеды друзей ходи медленно, на беды – быстро»*, *«К тому, кто суется в чужие дела, питай ненависть»*, *«Не хули ближних, а то услышишь такое, от чего огорчишься»*, *«Обуздывай гнев»*, *«Если у тебя крутой нрав, проявляй спокойствие...»*, *«Язык твой пусть не обгоняет ума»*, *«Выпивая не болтай: промахнешься»*. Истинно свободного человека можно отличить по его уверенности, спокойствию и неспешности, о чем говорят гномы: *«В пути не торопись»*, *«И не махай рукой, ибо это от безумия»*.

Отдельного рассмотрения заслуживают изречения: *«Покойного величай»*, *«Над попавшим в беду не смейся»* и *«Если тебе причинили ущерб – примиришь, если оскорбили – отомсти»*. Первое из них, на наш взгляд, содержит в себе не только присущее многим культурам требование уважения к памяти умерших, но и злободневный именно для спартанского общества запрет на насмешки в их адрес, что объединяет его со вторым изречением. Еще Ликург поставил смех в Спарте на службу своим законам, объявив спокойное перенесение насмешек одним из главных достоинств спартанца и сделав их инструментом своей системы воспитания (Plut. Лус. 12, 14, 25). Не случайно Плутарх называл остроты спартанцев, которыми он восторгается в жизне-

описании Ликурга, «колкими» и «едкими», а греки из других городов часто находили их людьми бестактными. Словно предвидя такую опасность, Хилон указывает согражданам границы смеха, которые нельзя переходить, и вводит запрет на насмешки над мертвыми и горемыками. Не следует смущать сограждан шутками над покойниками – их родственники и друзья отомстят, как и гневить богов насмешками над попавшими в беду – сам в нее попадешь. Что касается третьего изречения, то вряд ли Хилон одобрял месть как реакцию на оскорбление одного спартанца другим. Возможно, он давал совет, как нужно поступать в отношении чужестранцев. Впрочем, и здесь многое зависит от перевода, ведь одно из возможных толкований фразы «ἀδικοῦμενος διαλλάσσει, ὑβριζόμενος τιμωρεῖται» – «при несправедливости примиришься, при [военной] наглости – защити себя». Не случайно мудрец ответил брату, обиженному, что не он, а Хилон стал эфором: «Это потому, что я умею выносить несправедливость, а ты нет» (Diog. Laert. I, 3, 68).

При таком подходе гномы Хилона предстают не как общие суждения житейской мудрости, но как наставления спартиатам, какой нравственный характер им нужно в себе воспитывать и поддерживать. Разумеется, греки из других полисов также могли применять их к себе, что и принесло Хилону признание и славу одного из «семи мудрецов» Эллады. Однако для самого автора данных поучений на первом месте, на наш взгляд, были все же интересы своего отечества и его граждан. Если Ликург положил начало социально-экономическому и политико-правовому реформированию Спарты, то Хилон, независимо от его личного вклада в законодательный процесс, придал законченное выражение спартанскому этосу, с которым его родной полис вступил в классический период своего развития. Тем не менее, значение Хилона как законодателя в любом случае весьма высоко, ибо, как указывают историки, в Спарте, «основной упор делался на воспитании граждан, а не на издании многочисленных законов» (Печатнова 2001, 37). Поскольку спартанские эфоры выносили решения, не следуя букве закона, чем заслужили критику Аристотеля (Pol. II, 6, 14, 1270 b 30–32), они могли основывать их только на неписаных правилах, т. е. на религиозных традициях и нравственных обычаях. В формировании этих обычаев и сыграл важную роль Хилон, который сам был удостоен избрания на должность эфора.

Таким образом, Хилон завершает дело Ликурга, придав Спарте тот героически-ограниченный нравственный облик, с которым она вошла в историю человеческой цивилизации. Будучи сам порожден спартанской системой воспитания, он довел ее до совершенства, найдя для нее своего рода «категорический императив», который, по словам А. Дж. Тойнби, «в душе каждого спартиата был высшей движущей силой Ликурговой системы и

позволял в течение более чем двух столетий пренебрегать человеческой природой» (Тойнби 1991, 201). Краткий период гегемонии Спарты в Греции, за которым последовал ее упадок, показал коренной изъян данной системы, подтвердив слова Аристотеля о том, что спартанцы не умели пользоваться досугом и не могли заняться каким-либо другим делом, которое выше военного дела (*Pol.* II, 6, 22, 1271 b 4–6). По иронии истории, мудрец Хилон явился одним из создателей общества, которое оказалось неспособно к дальнейшему порождению мудрецов и философов. Безусловно, Ликург и Хилон, жившие в период архаики, смогли обеспечить спартанской общине долгие годы стабильности и единомыслия в то время как другие города Греции переживали десятилетия смут и неурядиц. Они не преследовали цели добиться гегемонии родного полиса над всей Грецией, достижение которой выявило пороки их законодательной и нравственной системы. Хотя сам же Хилон утверждал, что добродетель человека в том, чтобы рассуждением достигать предвидения будущего (*Diog. Laert.* I, 3, 68). Но не будем пенять на это спартанскому мудрецу: он далеко не единственный мыслитель в истории человечества, ожидания которого в отношении будущего не сбылись.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Античная лирика* (1968) Москва: Художественная литература.
- Гаспаров, М. Л., пер. (1979) *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Москва: Мысль, 84–85.
- Лурье, С. Я. (1993) *История Греции*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Печатнова, Л. Г. (2001) *История Спарты (период архаики и классики)*. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия.
- Тойнби, А. Дж. (1991) *Постижение истории*. Москва: Прогресс.
- Лебедев, А. В., пер. (1989) *Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики*. Москва: Наука, 92–93.
- Чанышев, А. Н. (1981) *Курс лекций по древней философии*. Москва: Высшая школа.
- Arnheim, M. T. W. (1977) *Aristocracy in Greek Society*. New York.
- Ehrenberg, V. (1967) *From Solon to Socrates*. London.
- Cartledge P. (1979) *Sparta and Lakonia. A Regional History 1300 – 362 B.C.* London.
- Diels, H.; Kranz, W., hrsg. (1960) *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Erster Band. Berlin.